

ВТОРОЙ ЛИСТЬ ГАЗЕТЫ

ОДЕССКІЯ НОВОСТИ

№ 4464.

Суббота, 21го Ноября, 1898 г.

№ 4464.

ФРАНЦЪ-ЮСИФЪ,
императоръ австрійскій, король венгерскій
(по поводу 50 лѣтнаго юбилея его царствованія).

ИЗЪ ДѢВІЧЬЯГО МІРА.

(Съ амлійскою).

Въ йоркширѣ, въ своеемъ помѣстїи, Сесілія Риддель сидить у себя дома за канторкой. Входитъ Модерна, запыхавшаяся, вся въ пыли.

— А, Модерна,—восклицаетъ кузина.—Какъ я рада! Ты знаешь, мы вѣдь тебя ждали только черезъ недѣлю.

— Да и сама этого не ожидала! Но вы мнѣ говорили, что я могу прѣхатъ къ вамъ когда угодно... А гдѣ же тетя?

— Не знаю хорошошенько, можетъ быть на скотномъ дворѣ.

— А можетъ быть и въ птичнику, или въ подклѣти... Напрасно ожидать встрѣтить ее въ гостиной.

— Это правда, мама терпѣть ея не можетъ, и сидитъ тамъ только при гостяхъ или на своихъ засѣданіяхъ.

— Я бы страшно ея боялась, еслибы она не унаслѣдовала отъ своей дочери нѣкоторыхъ изъ ея добрыхъ качествъ.

— Ну, можетъ ли она что-нибудь унаслѣдовать отъ меня!—кратко возразила Сесілія.—А гдѣ же твои вещи?

— На станціи. Пошли ихъ взять!

— Хорошо. Какъ я рада тебя видѣть, хотя у насъ праздничныя хлопоты въ домѣ.

— А! Очень рада тебя видѣть!—раздался голосъ леди Риддель, и на порогѣ появилась она сама съ корзинкою яицъ въ рукахъ.

Модерна поспѣшила незамѣтно снять свои кольца и спустить ихъ въ карманъ, прежде чѣмъ подать вуку теткѣ.

— Сесілія тебя предупредила, какъ у насъ распредѣлено время на сегодня? Жаль, что нельзя взять тебя съ собою: мѣста нѣть. Это было бы для тебя полезно.

— Я немного устала, тетя.

— Устала? Въ твои-то годы? Да у меня Сесілія заинкнуться не смѣеть, что она устала; а если это и случится, она знаетъ, что ее ожидаетъ... Дѣлать нечего, тебѣ придется примириться съ участіемъ обѣдать парадицѣ съ капитаномъ Джикілемъ. Добрая душа, но ограничена! Она плохой радикаль и даже, по-жалуй, почти консерваторъ. Извлеки изъ него, какую сумбѣшь, пользу, только не завлекай его, а не то Сесілія найдеть, что на это возразитъ... Пойду принять управляющаго, мнѣ надо его видѣть.

— Я, кажется, убить ее готова!—вздражаніемъ восклицаетъ вслѣдъ матери Сесілія.

— Полно, дружокъ, это повредило бы всему дѣлу!

— Но зачѣмъ же она такъ сватаетъ меня?—укоризненно возразила Сесілія.

— Полно, я вѣдь не считаюсь. Помнишь, ты сама всегда мнѣ повѣряла свои сердечныя тайны? Кольдеръ-Марстонъ, напримѣръ...

— Это дѣло другое.

— Вы помолвлены?

— Нѣть еще, но...

— Этихъ двухъ словъ вполнѣ довольно: они все объясняютъ. Какая вѣдется за ними достоинства? Онь хорошъ собою?

— Да.. Нѣть.. Не очень... Мнѣ кажется, что онъ хорошъ собою.

— Умень...

— Да!.. Такъ себѣ.. Нѣть, не умень, то есть, собственно, не въ твоемъ вкусѣ. Изъ всего граffства онъ—самый лучший стрѣлокъ, самый ловкий наѣздникъ. Его имѣніе граничитъ съ нашимъ.

— О, это обстоятельство уничтожаетъ всякое сомнѣніе. Конечно, ты выйдешь за него.

— Но онъ мнѣ еще не дѣлалъ предложеній!—вскрикиваетъ Сесілія возбужденно:—Модерна! Оль еще не сваталася, пойми ты! И вѣно никогда не соберется съ духомъ. Смотри же, будь осторожна, помни, что ты ничего не подозрѣваешь... Да не забудь: ты такъ легкомыслена!

— Не покнетничать ли съ нимъ, чтобы окончательно доказать ему мое невѣдѣніе?

— Да, и окончательно меня отстранишь?—печально подсказала бѣдная Сесілія.

— Душка моя, не беспокойся,—онъ рѣшительно не въ моемъ вкусѣ.

— Онь во вкусѣ кого-угодно.

— Все равно, я не буду знать, о чемъ съ нимъ говорить; вотъ развѣ только о тебѣ...

— Пожалуйста, не надо!

— Сесілія! Коляска готова. Пораѣхать!—окликнула дочь леди Риддель.

— Но, мама...

— Ну, что еще?

— Я бы хотѣла сперва представить Модерна капитана.

— Ну, ужъ это!—Чѣмъ скорѣе эти глупыши церемоніи отойдутъ въ вѣчность, тѣмъ лучше! Проще всего—пойдти къ нему и объявить: «Я Модерна Масклинъ; а вы кто такой?» Затѣмъ, хорошенько пообѣдать и весело провести время, да поранѣше улечься въ постель. Завтра поутру увидимся. Въ половинѣ девятаго у насъ завтрацкъ. Ну, до свиданія! Покойной ночи!—и леди Риддель удалилась, вслѣдъ за нею и Сесілія.

Это изъ рукъ вонъ скверно! Три часа просидѣть съ глазу-на-глазъ, не зная этого завзятаго собачника-лошадника! Я ничего не понимаю ни въ лошадяхъ, ни въ собакахъ,—думала Модерна, спускаясь по лѣстницѣ въ столовую.

Капитанъ Джикіль, поднимаясь вверхъ по лѣстницѣ, замѣтилъ чѣмъ галлереѣ одинокую фигуру молодой дѣвицы, и она замѣтила его. Вскочивъ проворно на ноги, она бросилась бѣжать, но ея платье за что-то заѣлилось. Капитанъ подоспѣлъ ей на помощь.

— Позвольте! — проговорилъ онъ членомъ и высвободилъ ея платье.—Ну, вотъ, готово! Покойной ночи!.. Боже! да вы въ слезахъ? Какой же я...

— Не будемъ обѣ этомъ говорить. Прошайте.

— Но я должна сказать...

— Да развѣ вы не видите, что вы только хуже сдѣлаете, распространяясь?

Могла ли я подумать, что со мной случится что-нибудь подобное? Ну, есть ли во мнѣ хоть что-нибудь такое ужасное, дурное? Неужели я изъ такихъ, которыхъ мужчины не стѣсняются цѣловаться для забавы? Что я, трактирная дѣвочка или актриса? Конечно, я—ни то, ни другое: я слишкомъ серьезна. Гляди на меня, никто не скажетъ, что меня цѣловалъ мужчина; да и не цѣловала же... до сихъ поръ!. Онь меня обидѣлъ, оскорбилъ; я должна его не навидѣть, а между тѣмъ... (и это для меня ужаснѣе всего!) я не чувствую къ нему никакой ненависти! Еслибы я его презирала, я сама никогда бы не позволила ему... Да и не могла же я, ни на минуту ожидать, что онъ можетъ меня такъ оскорбить..

— Но въ сущности, что же та-
кое поцѣлуй, чтобы изъ-за него тер-
заться? Простое мимолетное прикосно-
веніе чѣмъ, такое же, какими меня награждаютъ братъ мой Вильямъ или
кузина Сесілія! И чѣмъ мнѣ прида-
вать этому значеніе?..

— Но вѣдь то былъ мужчина и чу-
жой! И если мнѣ теперь когда-либо
случится полюбить породичного человѣка,—или кому случится полю-
бить меня,—мнѣ придется... я буду обя-
зана признаться, что менѣ цѣловали!

Мой первый поцѣлуй достался не «ему», а кому-то нелюбимому, чужому, и шкѣ-
ра, никогда больше этотъ первый поцѣлуй никоимъ на свѣтѣ не получитъ.

— Постойте! Есть еще средство
все исправить...

— Нѣть, никакого и никогда!

— Я могъ бы... [запинаясь] могъ бы
сдѣлать вамъ предложеніе... Неужели
это такъ уже невозможно?

— Водворилось молчаніе.

— Не знаю, какая выгоды была бы
въ томъ, чтобы мы обаюдно сдѣлали
себя несчастными навѣки?

— Но какъ это случилось? Я при-
поминаю смутно и не могу припомнить.
Развѣ я кокетничала съ нимъ? Я ему
пѣла, но вѣдь это еще не значитъ кок-
етничать или—завлекать... Только я
никогда не пѣла такъ... такъ... Потомъ
онъ вышелъ вмѣстѣ со мною и подаль-
ше чѣмъ свѣчу, чтобы ити наверхъ... и
взглянула на него своими потемнѣвшими
глазами...

— Ахъ, зачѣмъ я на него взглянула?.. Мы пожали другъ другу руки и...
Модерна закрыла лицо руками.

— Я уѣзжала!.. Я не дала ему ска-
зать ни слова... Что онъ подумалъ про
меня? Что я разсердилась или... или онъ
улыбнулся мнѣ вслѣдъ? Нѣть, вотъ тѣ-
перь я дѣйствительно его ненавижу!

Онъ попѣловалъ мнѣ...—и Модерна
горко зарыдала.

Капитанъ Джикіль, поднимаясь
вверхъ по лѣстницѣ, замѣтилъ чѣмъ
галлереѣ одинокую фигуру молодой дѣвицы,
и она замѣтила его. Вскочивъ
проворно на ноги, она бросилась бѣжать,
но ея платье за что-то заѣлилось. Капитанъ подоспѣлъ ей на помощь.

— Позвольте! — проговорилъ онъ
членомъ и высвободилъ ея платье.—Ну,
вотъ, готово! Покойной ночи!.. Боже!
да вы въ слезахъ? Какой же я...

— Не будемъ обѣ этомъ говорить.
Прошайте.

— Но я должна сказать...

— Да развѣ вы не видите, что вы

О, уходите, пожалуйста, уходите! Это
будетъ самое лучшее!

— Я знаю; но я готовъ сдѣлать
все, что угодно, чтобы васъ уѣхать...
Послушайте! Я завтра рано поутру
уѣду... такъ вы можете смѣло пожать
мнѣ руку на прощанье и сказать, что
прощаюте мнѣ?

— Вы уѣзжаете? Навѣрно? Какъ
это хорошо съ вашей стороны!

— Но сперва вы должны пожать
мнѣ руку!

— Я бы не особенно желала...

— Значить, вы меня не простили?

— Постигла, уже простила... только
мнѣ не хотѣлось бы смотрѣть прямо
въ лицо. Я не хочу вспоминать
про свой позор...

— Миссъ Масклинъ! На вѣсъ нѣть
позора... никакого! Я никогда самъ себѣ
не прощу... Но вы-то, миссъ Масклинъ,
вы не должны ни на минуту думать,
что я принять вашу снисходительность
за поощреніе... Я быль какъ безумный...
совершенно какъ безумный, въ теченіе
всего пяти минутъ... Неужели вы не
можете подарить меня вашимъ прощеніемъ?
Скажите!

— Да!.. О, да...

— И постараитесь позабыть проис-
шедшее?

— Нѣть, не могу я, не могу!—гово-
рило воскликнула Модерна.—Я буду
думать, буду вспоминать до конца жизни.

— Постойте! Есть еще средство
все исправить...

— Нѣть, никакого и никогда!

— Я могъ бы... [запинаясь] могъ бы
сдѣлать вамъ предложеніе... Неужели
это такъ уже невозможно?

— Пом-моему, это чрезвычайно не-
любезно съ ея стороны! — замѣтила
капризно Сесілія.

— О, моя племянница—совсѣмъ су-
машедшая... Прелестнѣйшая дѣвушка,

но совсѣмъ сумасшедшая!

— Совершенно съ вами согласенъ,
леди Риддель!—какъ-то особенно сви-
рѣло подтвердила капитанъ.

мы лучше ничего не скажемъ, а днѣ че-
резъ четыре—чтобы сразу ихъ не пу-
гать... Леди Риддель будетъ очень до-
вольна, а Сесілія...

— Сесілія?!—воскликнула Модерна:
— Боже мой, что я надѣлала? Сесілія..
и вы...

— Къ чemu вамъ понадобилось сое-
динять наши имена? Я никогда не была
и не буду ничѣмъ по отношенію къ ней.

— Не будете? Но вы уже теперь...
Вы должны быть ей дороги. То-есть, я
хочу сказать... Пустите меня!

— Нѣть, не пущу, пока не скаже-
те: да или нѣть! Слышите стукъ ко-
лесъ? Онѣ сейчасъ подѣдуть. Вы зав-
тра мнѣ отѣтѣте: теперь ничего слу-
шать не хочу! Покойной ночи, дорогая,
милая! Кажется, все на свѣтѣ готовъ,
бы я отдать за право.. повторить оскор-
бленіе... Нѣть, нѣть! Пока не возвращай-

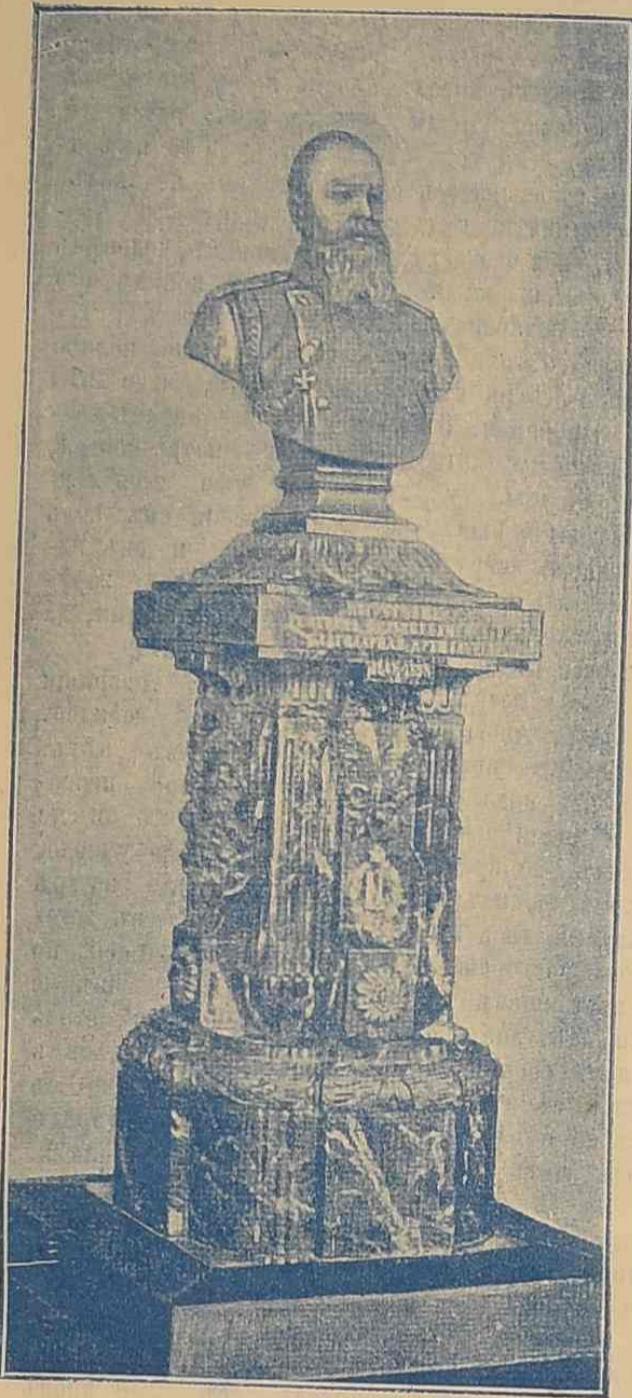
сберегательныхъ кассахъ, правленихъ разныхъ
обществъ, желѣзодорожныхъ компаний и ком-
мисіяхъ. Карлъ былъ прилеженъ, аккуратенъ,
даже по-шведски писалъ правильно и изъ всѣхъ

что предпринять, куда себѣ опредѣлить и чув-
ствовать себя исчастнымъ. Начальникъ, человѣкъ
практическій и умный, очень быстро понялъ его
и добросовѣстно началъ на него «налагать».

Первый годъ ему полагалось только полное
содержаніе, а на второй, кроме того, еще 200

кронъ жалованья. Этихъ денегъ ему вполнѣ хва-
тало, потому что никакихъ потребностей,
кромѣ одѣжды, у худого и уже склонив-
шагося Карла не было. Сознаніе, что онѣ єсть
свой хлѣбъ, вскружило ему голову, и онѣ на-
чали мечтать о будущемъ посыпешіи, даже зару-
чили нѣсколькоими неважными рекомендациими, да
вдругъ все полетѣло къ черту.

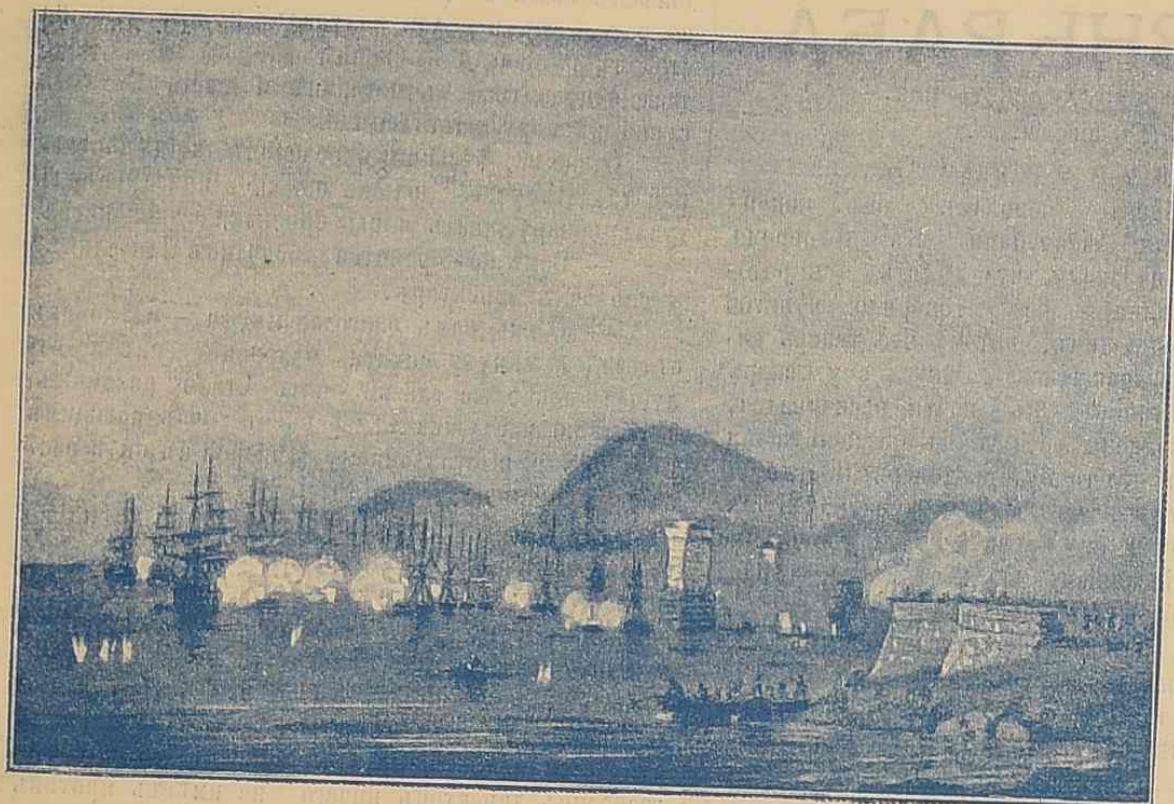
Черезъ десять

Бюстъ Августѣйшаго Генералъ-Фельдцейх-Майстера Великаго Князя Михаила Николаевича
сзоруженный въ Константиновскомъ артиллерий-
скомъ училищѣ.

Открытие памятника М. Н. Муравьеву въ Вильнѣ.

Синопскій бой 18-го ноября 1853 г.

По поводу открытия памятника герою синопского боя адмиралу П. С. Нахимову въ Севастополь.

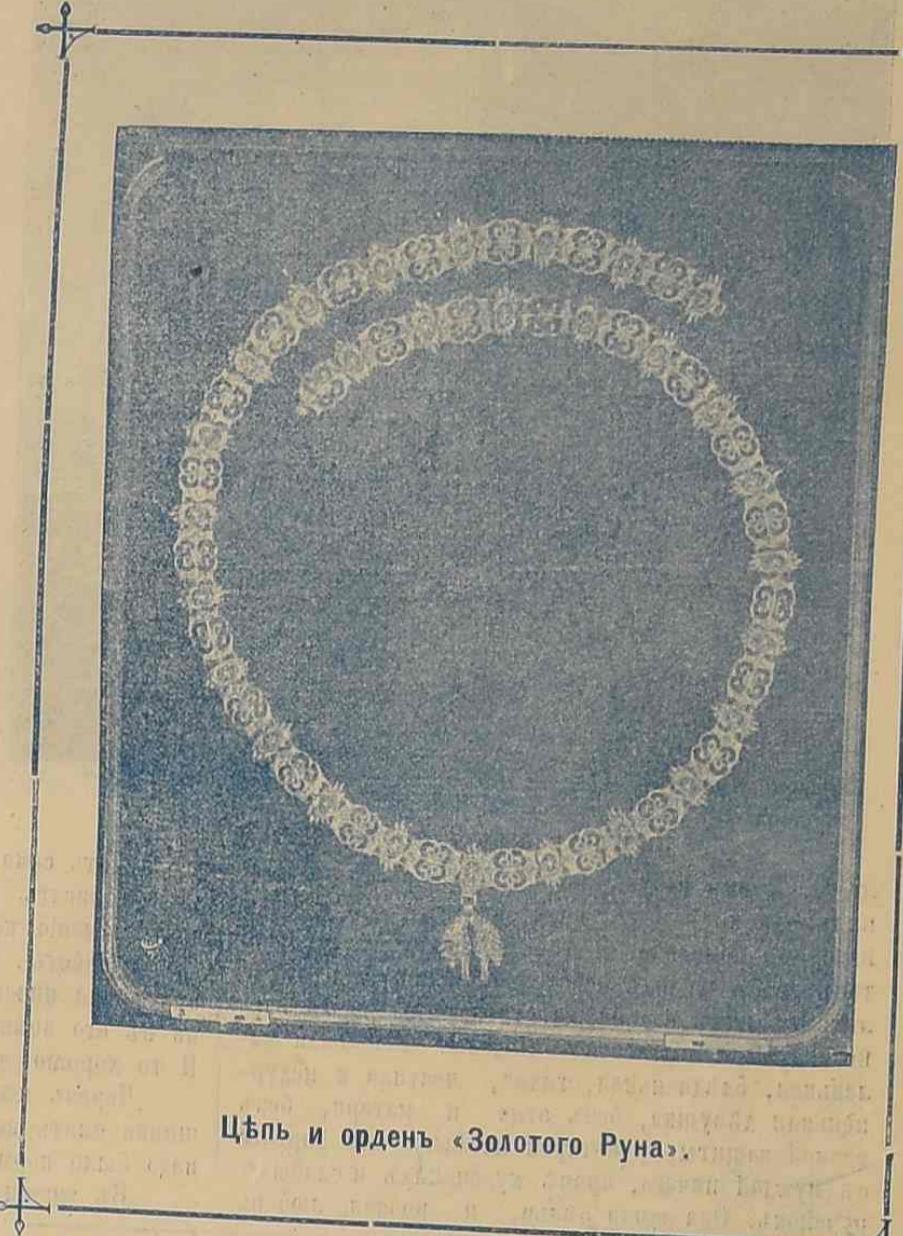
Могила адмираловъ П. С. Нахимова, М. П. Лазарева, вице-адмирала В. А. Корнилова и
контръ-адмирала В. И. Истомина, въ склепъ церкви св. Владимира, въ Севастополь.

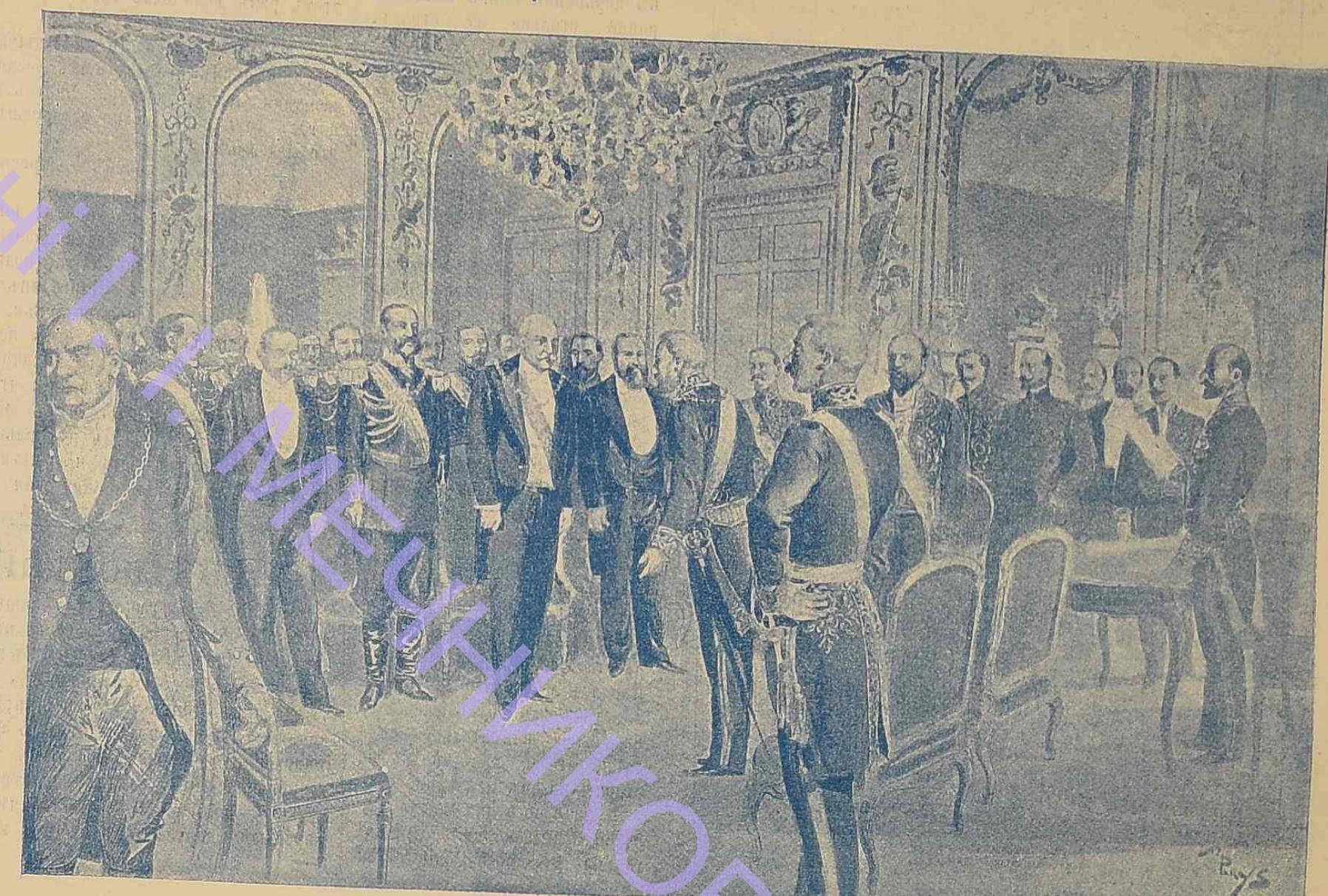
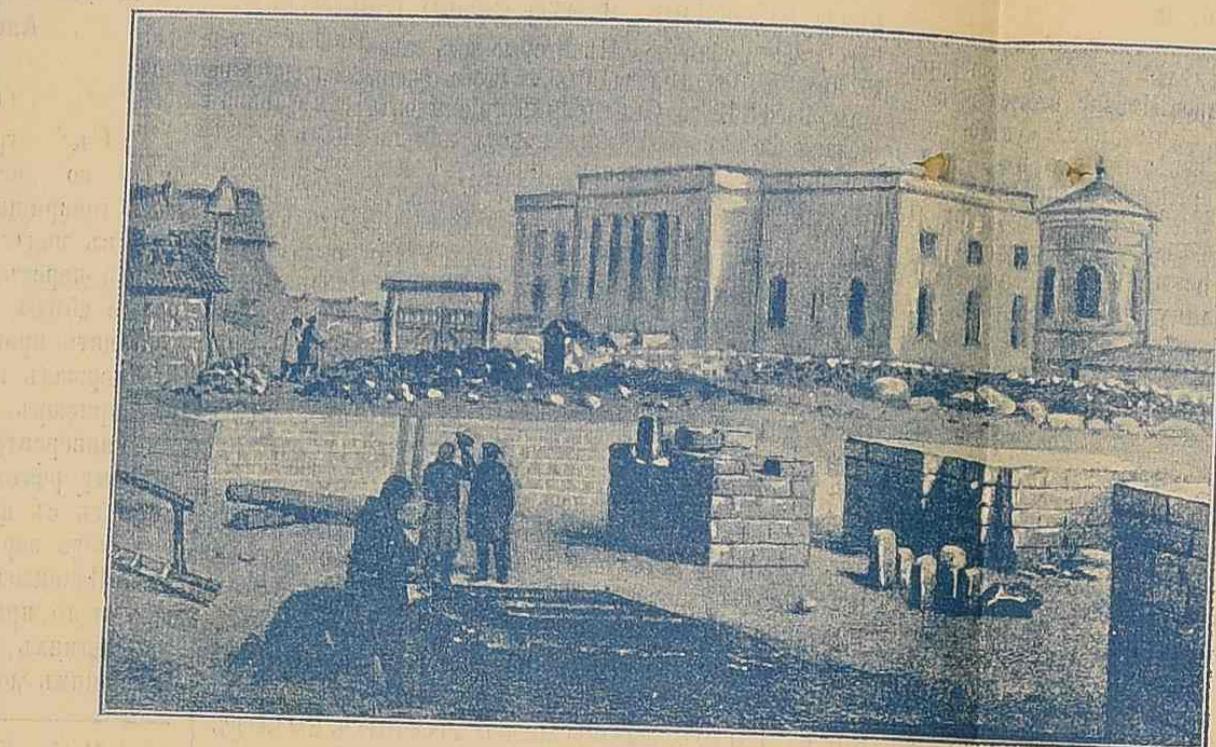
Эрцгерцогъ Карль.

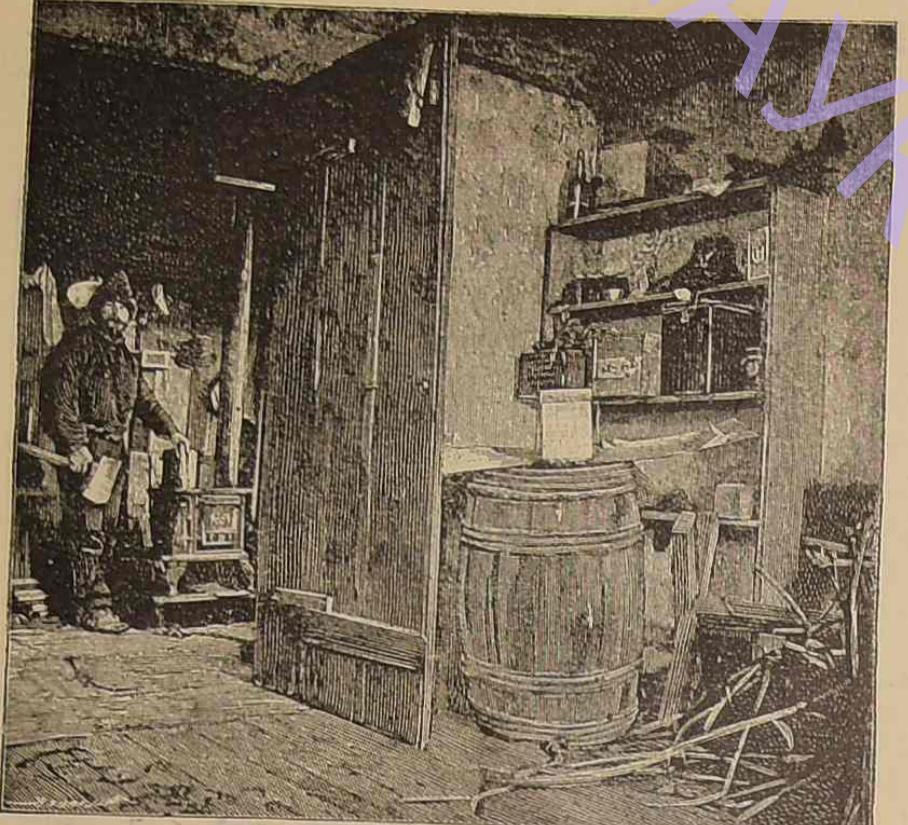
Эрцгерцогина София.
Родители императора Францъ-Йосифа.

Цѣль и орденъ «Золотого Руна».

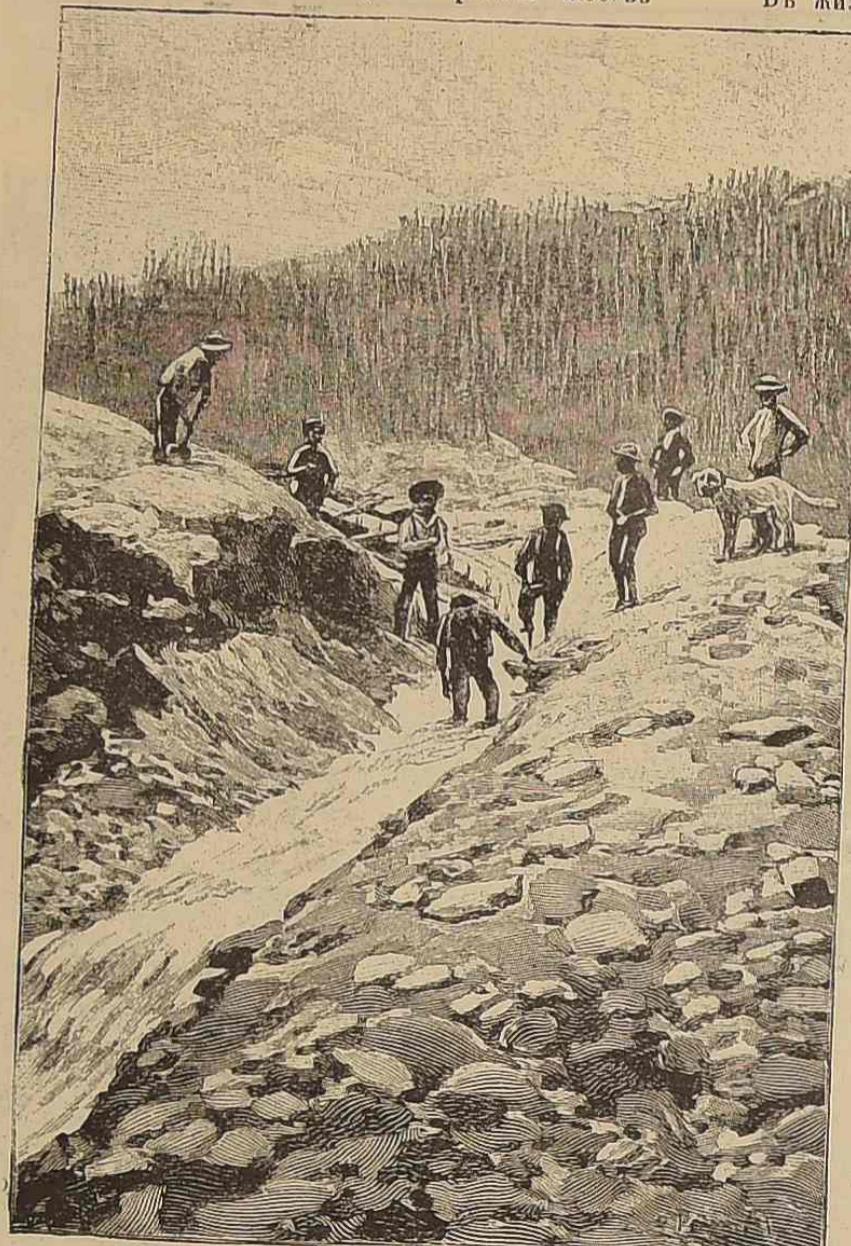

Торжественное возложение ордена «Золотого Руна» на президента французской республики Ф. Фора.

Наука

этого. И он вдруг набрался храбрости и обьявил: — я хотѣлъ только сообщить, что сегодня вечеромъ помолвка. И дѣйствительно, это было такъ: рабы нашелъ особу, согласившуюся раздѣлить съ нимъ его оковы, хотя онъ и для однокаго были достаточно тяжелы. Это была маленькая, блѣднѣющая, тихая, честная и недурнепицкая девушка, безъ отца и матери, безъ всякой защиты, у которой не было дѣлъ борьбы съ щущеніемъ ничего, кроме худенькихъ и слабыхъ ручеекъ. Она пила бѣлье, и рабка любовь

Промывка золота.

этихъ двухъ существъ возникла на почвѣ труда: Карль заказалъ ей для себѣ три крахмальныхъ сорочки, луши, какія ему пришлось носить во всю его жизнь.

Ни помолвка, ни вскорѣ затѣмъ послѣдовавшая свадьба не возбудили въ нихъ ощущенія, всѣобъѣщающаго, радостнаго чувства любви; просто-на-просто два незначительныхъ члѣвка, до которыхъ никому на свѣтѣ не было дѣла, думали, что рука обѣ-руку, бокъ о бокъ, вѣдомъ имъ легче будешь пробить себѣ дорогу въ холодномъ, безучастномъ свѣтѣ.

Ихъ квартира совершенно напоминала воробинное гнѣздо, и оба, попрежнему продолжали работать: она шила, онъ считалъ и писалъ. Когда же у нея убѣжало силь, подоконка сѣдалась тяжела, и она уже не могла, какъ раньше,

все дѣлать сама, ему пришлось еще больше синтать и писать, брать на себя подведеніе баланса, веденіе корреспонденціи и всевозможныхъ другихъ работъ. Потомъ наступило время, когда она ровно ничего не могла дѣлать, и тогда замѣта въ его комнатѣ горѣла всѣ ночи напролѣтъ. И то хорошо, что работы всегда было вдоволь.

Черезъ нѣсколько недѣль ея шинейная машина опять застучала попрежнему, но теперь надо было кормить уже три рта.

Въ жизни постоянно все повторяется, и чѣмъ чаще, чѣмъ уже ея кругъ. Черезъ восемь лѣтъ перечень семьи Плигелинъ въ церковной книжѣ занималъ ровно столько же строкъ. У нихъ было поддюжныи дѣтей. Но къ тому времени и его жалованье возросло до 1.100 кронъ. Ради приличій и по настоянію пастора, бывшаго школьнаго товарища Карла, директоръ долженъ былъ назначить ему 300 кронъ въ годъ за частные занятія, и всякий разъ, когда населеніе Кревинкеля увеличивалось еще одинъ Плигелинъ, онъ отправлялся въ свой магазинъ и собственноручно вручалъ Карлу пакетъ кофе, сахару, десятокъ апельсиновъ, да сверхъ того синимъ съ полки цѣлую бутылку мускатъ-лонгина и съ величественно-снисходительнымъ жестомъ говорилъ: — Возьмите-ка, дружинце, возьмите!

Но теперь уже машина бѣдной, увидѣвшей и усталой мама — Плигелинъ больше не работала на чужихъ, а зѣніе Карла все слѣдѣло да слѣдѣло, такъ что подъ конецъ ему надо было внимательно слѣдить, чтобы какъ-нибудь не стереть посомъ написанаго.

И ни одного днѣ отѣхъ! Ни одной ночи спокойнаго бодрашаго сна! Въ продолженіи 20-ти

лѣтъ четыре или пять послѣднѣхъ поездокъ на ближайшій островокъ и тамъ дешевенькій обѣдъ въ 1 крону. Зато постоянная погоня за случайной работой, которая, само собою разумѣется, оплачивалась плохо, потому что давалась какъ бы изъ одолженій. Бѣренка, безцѣнной жизни, въ стрѣлькой, безцѣнной бѣстии! Конечно, оставалась семейная радость, и надо правду сказать, что согласие между супругами не нарушилось никакими недоразумѣніями, но по оконченіи дневныхъ заботъ обоими этимъ мученикамъ труда ничего было сказать другъ другу. Ихъ счастье можно было бы сравнить съ спокойнымъ доводствомъ животныхъ, когда они прислушиваются къ спокойному дыханію товарищѣ по труду въ сосѣднемъ стойль. Дѣти? Но одни изъ нихъ доставляли родителямъ только беспокойство и заботы, другія — и пѣкоторую долю радости, но очень ничтожную въ сравненіи съ требовавшимися заботами и трудами, для того, чтобы сдѣлать изъ нихъ хоть что-нибудь, какъ говорила мама — Плигелинъ.

Въ то время какъ старшая дочь впервые пріицала въ церкви, отецъ сидѣлъ дома и работалъ, чтобы покрыть расходы на ея новое черное платье.

И какъ разъ въ то время, когда ихъ первенецъ умиралъ въ больнице и, повернувшись лицомъ къ двери, не спускалъ съ нихъ глазъ и шепотомъ звалъ папу, — отецъ въ кассѣ банка выдавалъ и высчитывалъ проценты.. И надо же было мальчику умереть въ служебные часы!

Однажды, послѣ 18-ти часовой работы, грустныхъ хозяйственныхъ совѣщаний дома и селедки вмѣсто обѣда, госпожа Плигелинъ, ложась въ полночь спать спросила мужа:

— Знаешь ли, старина, какой сегодня день?
— Нѣтъ, не припомню что то!
— Наша серебряная свадьба.

Въ одинъ прекрасный день Плигелинъ заболѣлъ. Съ нимъ это и раньше случалось, но на этотъ разъ дѣло было такъ серьезно, что онъ даже не пошелъ на службу.

Послѣ двухчасового высчитыванія и взвѣшиванія всѣхъ необходимыхъ расходовъ рѣшили все-таки позвать доктора. Черезъ нѣсколько визитовъ тогъ какъ можно осторожнѣе объявилъ, что надежды нѣтъ.

— Скорѣе же конецъ? — спросилъ Карль.

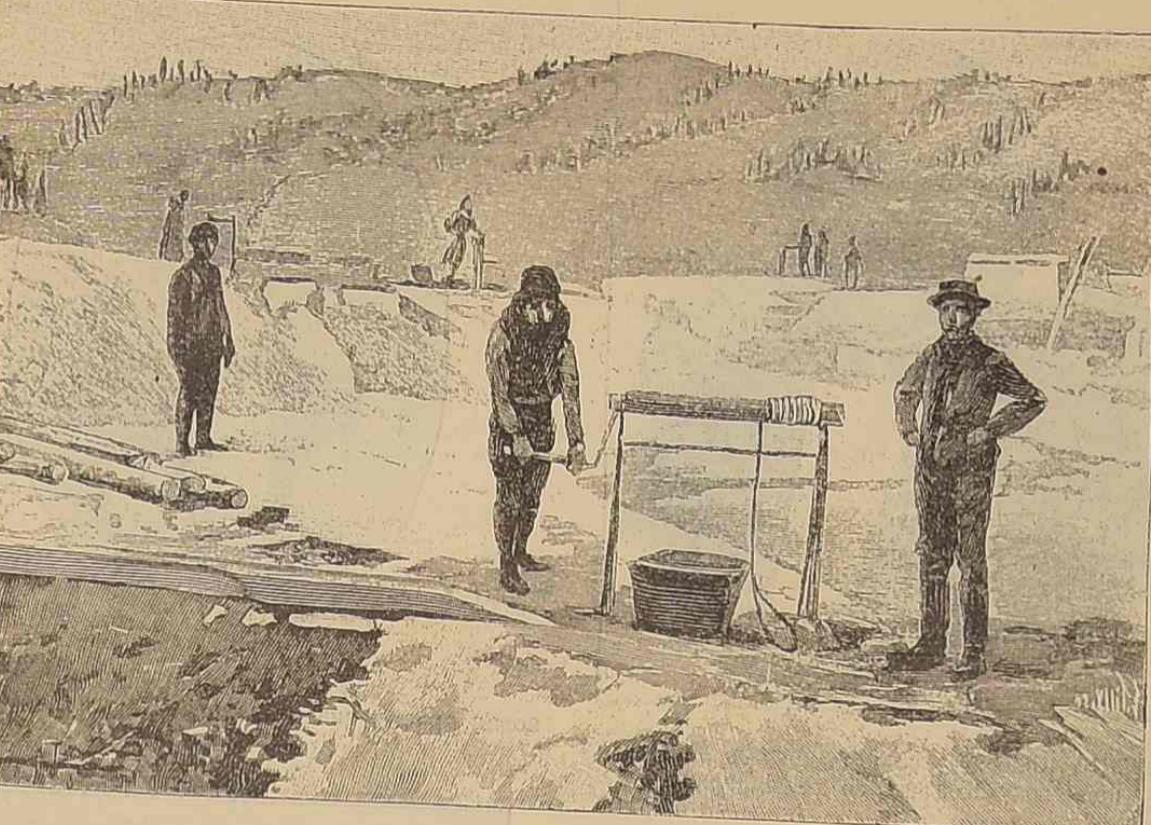
— Нѣдѣлю не протянетъ.

— Необходимо пропитнуть, докторъ! На бу碌ѣщей недѣльѣ у насъ заканчивается четверть, и я долженъ, по крайней мѣрѣ, подвести...

Но тутъ Карль Плигелинъ запнулся и погрузился въ глубокое раздумье. Онъ инстинктивно чувствовалъ, что стоитъ передъ чѣмъ-то, чего не можетъ преодолѣть никакое трудолюбіе, никакія цѣпи... И при мысли, что онъ, даже онъ, пролежитъ въ постели въ ожиданіи великаго освободителя рабовъ нѣсколько дней безъѣла, — по его увѣдѣнію и измѣнѣнію лицу промелькнула легкая ironическая улыбка.

Въ Клондайкѣ.

Французскія газеты сообщаютъ любопытныя сѣдѣнія обѣ условныхъ жаланіи въ одномъ изъ городовъ Клондайка — Даусонѣ. Въ кофейняхъ есть предмета стоимостью менѣе $2\frac{1}{2}$ франковъ. Бутылка пива стоитъ 25 франковъ; бутылка вѣски, коиняку или абсента стоитъ 75 франковъ. Шампанское совершенно недоступно. Какой то золотопромышленникъ хотѣлъ заплатить 250 фр. за бутылку поммера. Въ ресторанѣ бифштексы съ жаренымъ картофелемъ стоятъ 25 фр., карто-

Работа на участкахъ.

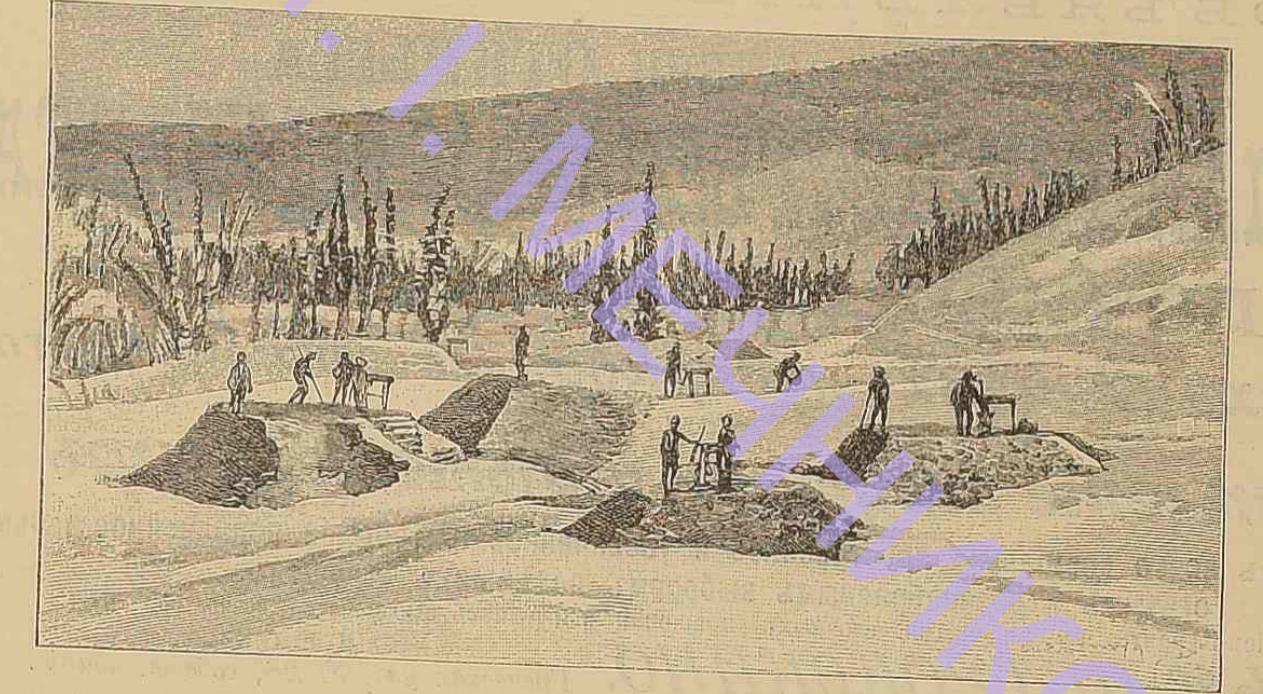
Наука

фель продается по баснословной цѣнѣ. Дѣвушки стоятъ 5 фр., дороже, тѣмъ трюфели въ Парижѣ. Въ лучшемъ французскомъ ресторанѣ обѣй стоитъ 1 франковъ безъ вина, которыхъ пока еще не знаютъ въ Даусонѣ. Теперь тамъ послѣ обѣда пьютъ только чай или кофе со сливками. Въ нѣчѣ мѣсяцѣ рестораторъ покупалъ пару цаппѣза за 125 франк. Апельсинъ стоитъ 5 франк.; столько же стоятъ пары яблоковъ.

При всемъ томъ городъ Даусонъ отличается необыкновеннымъ оживленіемъ. Игорные дома и общественные соборія открыты въ теченіе цѣлаго года, днемъ и ночью, за исключеніемъ воскресеній днѣв. Къ вечеру въ городѣ водворяется бѣшеное веселье. Въ каждой кофейнѣ, въ каждомъ ресторанѣ имѣется оркестръ или, по крайней мѣрѣ, одинъ музыкантъ. Нѣкоторыя рестораны имѣютъ даже механический органъ. Любителю предоставляется также піанино. Изумительно, что, несмотря на отсутствіе властей, въ Даусонѣ паспортъ необыкновенный портфель. Нигдѣ не бываетъ ни споровъ, ни скоръ. Въ этомъ маленькомъ городкѣ, населеніемъ авантюристами всѣхъ странъ, существуетъ безопасность, которой позавидовали бы многие цивилизованные города.

Городъ Даусонъ представляетъ благопріятное поле дѣятельности почти исключительно для ремесленниковъ. Плотникъ зарабатываетъ тамъ 15 долларовъ (около 50 р.) въ день. Самый обыкновенный поваръ, при готовой квартирѣ и пицѣ, легко зарабатываетъ 150 долларовъ въ мѣсяцѣ. Хороній день имѣютъ также тащиры, содеряжатели игорныхъ домовъ. Но для искателей золота Даусонъ — лишь мѣсто для быстраго и полагаго разоренія.

Страна золота имѣть своего губернатора въ Даусонѣ и дѣлаетъ на четыре округа, составляющіе четырѣ бассейна. Каждый рудокопъ, прибываю въ эту страну золота, за 75 фр. можетъ приобрѣсть право на такъ наз. claimъ въ каждомъ округѣ, т. е. на полосу земли для добычи золота. Създѣвательно, за 300 фр. можно имѣть землю во всѣхъ округахъ. Этимъ правомъ можно пользоваться только одинъ разъ въ жизни. Если вы ошиблись и не нашли тамъ золота, то

Работа на участкахъ.

не можетъ требовать взамѣнъ другую полосу. Но зато можно купить столько claims, сколько угодно. Размеры участковъ зависятъ преимущественно отъ ихъ мѣстоположенія. Средний размѣръ участка въ длину достигаетъ 150 метровъ. Claimы находятся въ разстояніи 25—150 километровъ отъ Даусона. Въ виду этого образовалась цѣлая компания перевозчиковъ, безъ которыхъ невозможно обойтись. Пути сообщенія къ claimамъ находятся въ невозможномъ состояніи. Дорога покрыта почками, вѣтвями деревьевъ, и даже ходить по ней трудно. Приходитъ иногда переправляться по ручьямъ, и съ этой цѣлью въ воду кладутся стволы деревьевъ, по которымъ работie, балансируя въ воздухѣ руками, пробираются на другую сторону ручья.

Въ йошь и йюль мѣсяцы въ Даусонѣ собирается отъ 1² до 15 тысячъ человѣкъ. Искатели золота, вооруженные рагнѣе разсказами американскихъ газетъ, были уже немного разочарованы, такъ какъ имъ пришлось жалѣть жаты золота до конца октября. Золото нужноискать на глубинѣ отъ 6 до 12 метровъ, а иногда еще глубже. Предварительно выкапывается яма въ 3 кв. метра, такъ чтобы человѣкъ могъ свободно двигаться въ неї. Эту яму необходимо копать лѣтомъ, потому что на глубинѣ 18 сантиметровъ земля уже примерзла, и тогда отъ соприкосновенія съ воздухомъ она оттаявляетъ. Приходится все время выкапывать воду, и это, конечно, усложняетъ работу, тѣмъ болѣе, что на болѣе значительной глубинѣ изъ земли подымается тиѣжелыя испаренія, затрудняющія рабочему дыханіе. Зимой же дѣло обстоитъ еще хуже, такъ какъ при 50—60 градусахъ ниже пуль земля превращается въ кору, и приходится углаживать кости для размягченія почвы. Когда достигнута належащая глубина, рѣтъ земли продолжается. Всюю ямы наполняются водой, земля разрывается, и затѣмъ, когда послѣ зимы вода таетъ, начиняется отдѣленіе золотоносной земли, которая подвергается затѣмъ размывкѣ, продолжающейся шесть недѣль или два мѣсяца.

Во всѣхъ округахъ лишь 50 claimовъ эксплуатируются серьезно. Въ большинствѣ случаевъ эксплуатация ведется самыми первобытными способами. На нѣкоторыхъ десяткахъ claimовъ было извлечено золота въ теченіе прошлаго года на 60 миллионовъ франковъ. Капова будетъ кампания будущаго года, еще неизвѣстно, но вслѣдомъ слушатъ необходимо имѣть въ виду, что безъ дешевъ дѣлъ ничего не достигнетъ. Рабочий получаетъ за десятичасовой день 62½ фр. Необходимо также построить ему теплую хижину. Въ общемъ, необходимо имѣть, по крайней мѣрѣ, 20.000 фр. капитала, чтобы приступить къ дѣлу.

Разныя разности.

Наука

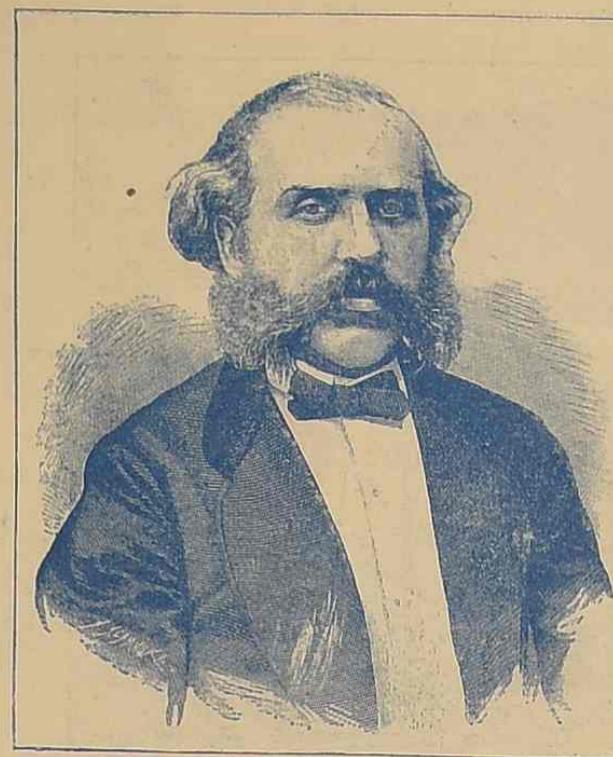
Трагикъ-негръ Айръ-Ольдриджъ. Во времена предстоленія Отелія, котораго такъ неподражаемо изображала ложній трагикъ, за кулисъ харьковскаго театра, где онъ тогда гастролировалъ, въ числѣ другихъ любопытствующихъ забралась и жена одного изъ мелкихъ служащихъ съ ребенкомъ на рукахъ. Оставить малютку не на кого, а поглядѣть на „настоящаго негра-актера“ тоже хочется. Во время сцены на Крѣтѣ, встрѣтился Делемону и проводивъ ее изъ замка, за кулисы, Ольдриджъ замѣтилъ ребенка и, очевидно, любя дѣтчины, поднесъ къ нему поближе. Ребенокъ, напуганный страшными видомъ артиста, захныкалъ. Тогда Ольдриджъ самъ забѣжалъ и, нажимая образомъ началь утѣшать ребенка, прицел-кивая пальцами и навѣява какою-то, должно быть, родной мотивъ: „Рути-то! Рути то!“

Высокопреосвященный Амвросій,
архієпископъ харьковскій и актырскій (по пово-
ду юбилея полувѣковаго служенія).

При этомъ блестящія запястья на рукахъ ар-
тиста трепетали и звенѣли. Ребенокъ заинтересо-
вался и успокоился, даже началъ смыться, слу-
шая это негромкое ласковое: „Рутю-тю! Рутю тю!“
Въ эту минуту входить помощникъ режиссера и
знакомъ показываетъ артисту, что дуэль Монтано
и Кассіо началась и пора выходить. Какъ на
стальной пружинѣ, обернулся артистъ, обнажилъ
свой кривой ятаганъ—и вдругъ всѣ отшатнулись
отъ него: такъ яростно и ужасно было это лицо,
недавно еще привлекшее даже ребенка. И ко-
гла Ольдриджъ со словами: „Остановитесь!“ вы-
скочилъ на сцену и ударомъ меча развелъ шлаги
дерущихся—весь зрительный залъ также вздрог-
нулъ отъ ужаса.

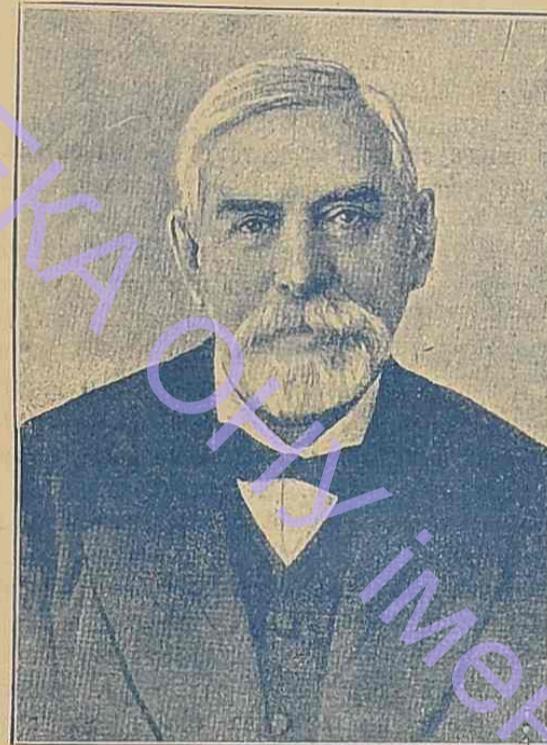
Все это передано со словъ очевидца.

Баронъ Николай Александровичъ Корфъ
(по поводу 15-лѣтія со дня кончины)

Г-жа Мендіороцъ,
новая примадонна итальянской оперы въ Город-
скомъ театрѣ.

Н. И. Раевскій,
педагогъ, авторъ извѣстныхъ учебниковъ по гео-
графии и ботаникѣ, † 8-го ноября.

Г. Марто, известный скрипачъ
(по поводу предстоящаго концерта въ Одессѣ.)

ОБЪЯВЛЕНИЕ.

Съ 15-го СЕГО НОЯБРЯ **ОТКРЫТА**
БОЛЬШАЯ РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ВЫСТАВКА
елочныхъ украшений
и разныхъ изящныхъ подарковъ для всякаго возраста.

Отделение игрушекъ и дѣтскихъ игръ

перемѣщено въ новое специально пристроенное и увеличенное помещеніе, пополненное весьма
богатымъ и разнообразнымъ выборомъ новѣйшихъ игрушекъ.

Прейс-Куранты съ рисунками елочныхъ украшений и игрушекъ высыпаются бесплатно.

БРАТЬЯ ПЕТРОКОКИНО,

ОДЕССА,
Греческая ул., № 26, собств. зданіе.